

Кто у нас в резерве?

Праздники — они ведь как и люди, цивилизации, кладбища и идеологии — умирают. Отпущен каждому свой срок. Как не удивиться празднованию индусами победы Рамы над Раваной, победы Добра над Злом трехтысячелетней давности, описанной в Махабхарате? Ну, а у нас, кто в здравом уме и твердой

памяти мог бы предположить в начале девяностых, что так хорошо сбалансированные и довольно хорошо исполняющие функцию единения народов СССР, а затем и России праздники будут упразднены, и начнется смутное время поиска новых общегосударственных праздников.

Вспомним, 7 ноября в сознании большинства людей был праздником, превратившим Россию «из от-

сталой в самую передовую и прогрессивную страну мира», надежно защищенную от мирового капиталистического зла ядерным щитом. Первое мая было замещением праздника весны, Матери-сырой-Земли, первого тепла и радостного общения. За ним следовал День Победы, весьма поздно, по меркам других праздников, введенный в 1965 году. Но оставшийся последним советским праздником до настоящего времени. Его значимость сегодня не только не упала, напротив, возросла. Как полагают абсолютное большинство, война была абсолютно справедливой, шла за свободу и независимость своей Родины, при этом Победа потребовала таких кровавых жертв и разрушений, которых история страны не знала. Таким образом, она вошла в культурную память народа.

Конечно же были 1 сентября, 8 марта, 23 февраля — в разной степени отражавшие единство народа на внерелигиозной основе. Помню удивившую меня в начале 90-х картину 1 сентября в Бишкеке — весь город в форме советских школьников: девочки в коричневых платьицах и белых передниках, мальчики в костюмах с белыми рубашками и все с цветами — наивное наследие советской общности, которая в то время в самой России стремительно уходила в прошлое.

День Победы стоял незыблемо. Он был, как фигура Ленина в эпоху перестройки: его *до последнего* не решались трогать. И уж после разоблачения всего окружения наконец-то добрались до Вождя Революции. Ситуация повторяется. На фоне сомнительных, всегда подкрадывающихся неожиданно праздников: «Дня независимости», «Дня России», «Дня конституции», «Дня народного единства» и пр., — среди которых следует выделить религиозные праздники *одной* конфессии, превращающиеся в общегосударственные¹. На этом фоне все чаще

¹Власти России намерены рассмотреть вопрос об учреждении в стране нового официального праздника — Дня Крещения Руси, который планируется отмечать 28 июля. Как сообщает деловая газета «Взгляд», Министерство культуры уже подготовило законопроект о внесении изменений в закон «О днях воинской славы и памятных датах России». В 11-й статье этого документа после слов «29 июня — День партизан и подпольщиков» может появиться новый праздник — «28 июля — День Крещения Руси».

слышны голоса, ставящие под сомнение необходимость праздновать 9 Мая. Европейцы, мол, не празднуют, мир не празднует (а если и вспоминает, то 8 мая), а мы с неослабевающей настойчивостью и пафосом празднуем этот праздник. Не пора ли совпасть в этом пункте с Западной цивилизацией? При этом, подчеркнуто празднуя эту дату, не впадаем ли мы в упрямство, вызванное сложными, а порой и болезненными отношениями с вновьявленной Европой, Америкой, постоянно унижающих самолюбие победителей, относящих Россию если не к странам оси зла, то во всяком случае к числу стран, имеющих проблемы с демократией. К тому же, опьяненные свободой, но более безнаказанностью, связанной со вступлением в НАТО, бывшие страны-союзники, но более республики бывшего Союза, празднуют совсем иную победу, а нашу *общую* Победу предпочитают объявлять началом оккупации. В этом противостоянии с Западом — с Германией у нас наименее сложные отношения.

Для ответа на вопрос, что это за праздник — День Победы и как его нужно праздновать, стоит вспомнить природу праздника, соответствует ли празднование Дня Победы празднику по существу, а не формально?

Пульс праздника

Никакого празднества без жестокости — так учит древнейшая, продолжительнейшая история человека, — и даже в наказании так много праздничного! — так утверждал Фридрих Ницше. Прав ли он? Событие, которое именуется праздником, утверждает себя в оппозиции к повседневности. И чем больше контраста с буднями, тем ярче и торжественнее праздник. Давая участникам возможность прикоснуться к тайне истоков, он примиряет противоположности, демонстрируя состояние мира, в котором они еще не набрали силу манихейских оппозиций.

Неоспорима роль праздника как средства снятия напряжения, гармонизации эмоционально-психологического состояния человека и общества, как возвращения подлинной идентичности с природой и социальной средой — все это условия примирения с буднями, с их однообразием и монотонностью, восстановления мира с ограниченным местом и временем «прыжка в подлинный первоисточник идентичностей»¹. Об этом же учил и Конфуций, считавший, что правители должны организовывать и санкционировать праздник («Нельзя держать лук постоянно натянутым, не расслабляя его [время от времени], как и нельзя держать постоянно расслабленным, не натягивая его»), и парижские богословы XV в., утверждавшие, что «бочки свином лопнут, если время от времени не открывать отверстия и не пускать в них воздух. Все мы, люди, — плохо сколоченные бочки, которые лопнут от вина мудрости, если это вино будет находиться в непрерывном брожении благоговения и страха божьего. Нужно дать ему воздух, чтобы оно не испортилось. Поэтому мы и разрешаем себе в определенные дни шутство (глупость), чтобы потом с тем большим усерди-

ем вернуться к служению Господу»². Праздник, с одной стороны, сочетает механизмы принятия действительности, адаптации к ней, дает возможность смириться с объективно сложившимися обстоятельствами, а с другой — помогает родиться новому, приветствуя обновление, служит человеку опорой в его усилиях понять действительность, пугающую своей новизной; он, согласно современному теологу Харви Коксу, «обостряет сознание истории и одновременно дает отдых от нее». С потерей праздника, напротив, утрачиваются черты человечности у отдельного человека и у сообщества в целом. Человек становится более ограниченным, менее приспособленным и лишается, по мысли Кокса, ощущения своего важного места и назначения в космической жизни.

Кроме того, праздник чрезвычайно важен как источник информации о животворности символа, возвращающего человека и дающего ему проникнуть в реальность древних образов, ощущений, регулятивов и того особого пространства, в котором совсем иная топография местности, иные временные ритмы, иная наполненность событий, иной язык, иная интенсивность

Ветеран около памятника Воину-освободителю Таллина от немецко-фашистских захватчиков

¹ Цит. по: Абаев Н. В. *Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае*. Новосибирск, 1989. С. 46.

² Цит. по: Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. М., 1965. С. 12.

желаний и иные объекты удовольствий. Являясь прямым наследником ритуала, праздник впитал все его наиболее действенные свойства, его логику развития: рост хаоса, неопределенности, тревог, усталости и абсурда, трагизма; затем слияние с ними (хаосом и неопределенностью): исступление, смех, танец, торжество низа, отказ (переворачивание) от установленных норм, запретов и табу — пищевых, моральных, идеологических, эстетических, религиозных, — травестизм ролей и полов; вслед за тем воскрешение природного и социального Космоса, цикла, порядка, нормы, целесобразности и полезности. «По сути, правило регламентирует полезную деятельность, а ритуальные акты, совершаемые на празднике, являются его нарушениями: цель правила — это всегда польза и прежде всего приумножение ресурсов. Расточительство обратно правилу: оно вызывает тревогу, то чувство радости, необузданной страсти, к которой примешивается страх, являющийся сущностью сексуальной активности»¹.

В ставшей поистине популярной теме праздника доля уже сказанного столь сильна, что почти невозможно хотя бы часть пути не пройти по дороге, проложенной исследователями средневекового карнавала. Вместе с тем, как уже отмечал Р. Генон, сколь бы ни была живуча карнавальная прививка к дискурсу о празднике, однако считать его порождением или эксцессом будней было бы излишне прямолинейно; он не есть производная их монотонности, в предельной точке невыносимости которой проявляются деструктивные и неупорядоченные компоненты психики человека. Праздник не сводим к разладу и рекреации (не впадая, естественно, в крайность отрицания этих существенных черт праздника), ибо он (праздник) — *нечто*, существовавшее до будней. Эти соображения опираются на частный, имеющий все же далеко идущие последствия факт, а именно:

Разрушение памятника советским воинам в Кутаиси, 2009 г.

известно, что в древнегреческих, донисийских, элевсинских, самофракийских и пр. мистериях участники их верили в воскрешение уже утраченной к тому времени гармонии — времени «золотого века». Не изнанку, а *предшествующую* будням («трусам и дням») форму существования, историческое развитие которой произвело такой регламент жизни, который мы называем сегодня буднями, приоткрывает праздник. Следовательно, существо праздника не столько в перверсии повседневности, размеренной и упорядоченной жизни, сколько в воскрешении того, что предшествовало ей, что было изначально: *вечно новое ощущение пути, вечное движение*. Итак, праздник — дань внутренней потребности в кочевье, своей ушедшей в основание воле к странствию, дань номадическому космосу *вектором вертикального движения*. Он воскрешает предшествующую ситуацию, подобно тому как раскаленное ядро Земли извержением лавы в периодически пробуждающихся вулканах напоминает о том, что *вся* поверхность планеты ког-

да-то была раскалена. О полноте осуществимости предшествующей формы жизни говорит еще и то обстоятельство, что божества древности, вытесненные из повседневности, допускаются империей праздника в виде персонажа или маски, которую можно выбирать и в образе врага в реконструкциях сражений). Она проводник в иной мир телесных состояний. В свете праздника предшествующие формы жизни проступают, как водяные знаки, наличие коих, как и в случае с ценными бумагами, является свидетельством их подлинности.

Среди моря безудержного веселья, ликования, непослушания, торжественности растраты и безумия обратим внимание на то место праздника, где он *вершится*: точку кульминации праздника — наиболее экзотическую, наиболее захватывающую, в прямом и переносном смысле, точку высшего экстаза и... кровопролития. Как связан праздник с кровью, как он «питается» ею и как сам он наполняет живительной влагой устоявшиеся и застывшие формы тел? Вот вопросы, которые, однажды возникнув, не покидали более, заставив в процессе поиска удовлетворяющего ответа отказываться поочередно от односторонности лишь гносеологического, этического, эстетического, психотерапевтического подходов в объяснении природы праздника.

Кровеносная система праздника

Кровеносная система праздника работает в режиме «смерти-рождения», «здесь и сейчас»: впервые для того, кто посвящается, и заново для того, кто инициирует. Но посвящение не бывает без заклания привычного и повседневного. Смерть интеллекта, нормы повседневных форм чувственности, представлений о пространстве-времени и введение в особый мир с его необычными ритмами, звуками, крас-

¹ Батай Ж. Сад и обыкновенный человек // Маркиз де Сад и XX век / Ред. А. Т. Иванов. М., 1992. С. 110. Ортега-и-Гассет иначе, но по существу о том же: «Глубинная жизненная активность всегда спонтанна, необязательна, бесцельна и заключается в свободном излишнии накопленной энергии... избыток возможностей составляет характерный признак здоровой полнокровной жизни, утилитаризм же — симптом слабости, жизненной ущербности» (Ортега-и-Гассет Х. О спортивно-праздничном чувстве жизни // Философские науки. 1992. № 12. С. 137, 139–140).

ками и запахами, со сжатым в точку первособытия миром, обладающим всем простором, всей энергией обновления. Праздник в такой же степени социален, в какой и биологичен. Его побудительность *органична*. Не в этом ли заключена насильственная и кровавая природа его? Представляет интерес стихия неформальных движений, где, как в тигле, образуются новации, годные, возможно, для образцов будущей формы, где самым серьезным образом *проживаются новые идеи*, где, отвергая предшествующие конвенциональные нормы, формируются новые правила межличностных контактов, где порой празднуются подлинные праздники и обретается чувство коллективной сопричастности. Но за покой, порядок и осмысленность будней надо платить, приносить жертву, кои были всегда во время кулачных боев, корриды, карнавалов, экстремальных видах спорта.

Эрнст Юнгер как-то заметил, что уже Бисмарк в одной из дискуссий о смертной казни вставил замечание о том, что нам не приходит в голову прекратить горное дело, хотя число жертв, которое оно вызывает, можно заранее статистически предсказать. Жертвы, вызванные техническим прогрессом, кажутся нам необходимыми потому, что они соразмерны нашему пространству, то есть пространству Рабочего. Сто лет назад, замечает Юнгер, было обычным делом, когда молодой человек погибал на дуэли; сегодня такая смерть была бы курьёзом; в то же время Шнайдер Берблингер из Ульма, который на своём летательном аппарате упал в Дунай, был признан глупцом, а про человека, который при покорении вершины, где он ничего не искал, свернул шею, решили бы, что им овладел сплин. Сегодня же увечья и смерть при полетах на планере, в гонках на автомобилях или во время занятий зимними видами спорта относятся к обыденным явлениям мира.

Как возможен Праздник Победы?

Пришло время вернуться к началу, к Празднику Победы, чтобы он был праздником, должна быть ак-

тивность празднующих (а не только пассивное, пусть и радующее нас мощью, увеличивающее чувство безопасности, созерцание Военного Парада), карнавал. Да идея с повязыванием георгиевских лент — едва ли не единственно ценное ноу-хау последних лет, вкупе со спонтанно возникшими акциями молодежи, поздравлять у станций метро ветеранов, опознаваемых по орденам, — формы активности и *участия празднующих*. Вспомним здесь о том, на чем основывалось чувство ноябрьских и первомайских праздников: люди шли по улицам, по которым обычно ездят машины, повсеместно играющие духовые оркестры, развернутые буфеты и стихийно организованные танцплощадки. Создавалось чувство общности: пели песни и кричали совместное «ура», несли транспаранты и портреты *как свой крест* — все это сближало праздник с карнавальными действиями. Нынешние стихийно возникающие реконструкции сражений и боев, поисковые отряды, с одной стороны, и рост отчуждения — с другой, свидетельствуют о неудовлетворенности официально принятыми формами. К этому замечу, что и индийский праздник Дня Победы Кришны проводится как карнавал, с обливанием друг друга краской, водой, атмосферой безудержного веселья и танцев.

Итак, если не лицемерить, то есть гневно не обличать то, что вчера так властно господствовало в умах интел-

лектуалов, то, используя благоприобретенное — концепты, описывающие время конца XX века, — нужно сказать, что праздник всегда есть перверсия будней. Он являет социальную стихию, которая не прослеживается и не регламентируется. В нем должно быть нечто не предусмотренное, не придуманное и, следовательно, не продуманное. Праздничное веселье — вот признак истинной, неуловимой для рефлексии подлинности. Праздник обладает силой власти затягивать и удерживать в своих ритмах тогда, когда предчувствуется, предвидится экстаз — главное событие праздника. Нет выхода из себя, из повседневности, покоя и благоразумия — нет праздника. Но как выйти из себя 9 мая? Обливать друг друга краской? Одеваться в карнавальные костюмы? Петь и танцевать? Поменять местами шествующих и зрителей? (Завораживающая открывается картина: рота почетного караула, танки, бронемашин и ракетные комплексы — стройными рядами стоят на обочине, а мимо них идет, поет и танцует народ-победитель.) Праздник рождает сама стихия жизни, но исключает ли это сократовское вспоможение при родах?

á